

*Посвящается Мишель,
надежно опутавшей меня
незримыми путами.*

ГЛАВА 1

Легкий бриз ранней весны что-то шепнул ему на ухо, пока он просеивал слова сквозь пальцы — слова, бегущие рекой, будто кровь из разверстой раны.

Джейкоб сидел под деревом в парке. Рядом с ним на земле громоздилась стопка книг в мягких обложках. Он держал на коленях рукопись отца — пожелтевшие страницы текста, полного опечаток, чудовищных орфографических ошибок и меток карандашом, сделанных твердой рукой матери. Она вычитывала рукопись, но зачастую ее странный беглый почерк не позволял распознать суть того или иного исправления. Наверное, в приходской школе имени Причастия Святой Анны их обучала письму одна и та же монахиня — кому еще под силу теперь понять эти каракули? Он прочел еще один абзац и поднял голову, когда мимо проковылял кокер-спаниель, задержавшийся ненадолго, чтобы осторожно понюхать мыски его ботинок.

Заходящее солнце бросало малиновый свет на страницы первого романа его отца. Джейкоб перечитал слова посвящения, но они не помогли отделаться от кровавых образов — последняя глава на них была особенно богата. Отцу нравились кровопролитные финалы; вот и в этом романе главный герой под конец находил консервные банки со срезанными лицами внутри и развешанные по гвоздям кишки. Странно, как порой его повествование склонялось к лиризму — как если бы в плавное течение одной книги вдруг врывались абзацы из совсем другой, слишком целомудренной для такого обилия крови. Критики отмечали, что отцу следовало писать более серьезную

литературу об отношениях и взаимопомощи — как будто заспиртованная почка в банке на подоконнике в их глазах выступала каким-то признаком разудалой буффонады.

А вот самому Джейкобу таких советов критики уже не давали. Кто-то проводил с его отцом неизбежную параллель, кто-то — всячески подобного избегал, но мало кто хранил в его отношении любезность. Он положил громоздкую рукопись обратно в папку, взял одну из книг в мягкой обложке — тоже написанную его отцом, — и прочитал посвящение:

Моей жене и детям — просто так; иных причин нет.

Отложив этот покетбук, он взял другой из стопки. Дебютный роман. Едва взглянув на название, чувствуя, как тень от дерева давит на шею и грудь, он отбросил и эту книгу, после чего откинулся на шершавый ствол и стал глазеть на спешащих мимо бегунов. Где-то в стороне, на маленьком корте, подходил к концу парный теннисный матч: парень, сторона в проигрыше, отгрызнулся на свою спутницу и в расстроенных чувствах запустил в сетку ракеткой. Вернулся кокер-спаниель, а за ним еще одна собака; обе оставили его через минуту, погнавшись за фрисби. По всему парку, там и сям, на полотенцах расположились отдыхающие парочки. У кого-то с собой была набитая корзинка для пикника, кто-то решил ограничиться спайкой с шестью банками пива. Неудачливый теннисист поднял ракетку и сделал еще один выпад. Его жена уперла кулаки в бедра, приняв позу, как бы сообщающую: «Лучше бы мы к моей маме поехали».

Улегшись на землю, Джейкоб обрадовался тому, как приятно ощущается мышцами плеч эта естественная подложка — и как камни обвиняющими перстами впиваются в кожу. Ближе к вечеру ветер чуть усилился, охладив атмосферу теплого апреля. По веткам плавно скользили закатные лучи.

Подумай-ка вот о чем: пара детишек с одинаковыми стрижками, стоящая совсем неподалеку, с тающим мороженым в руках, заляпавшим их одежду, — это действительно ВСЕ, что ты сейчас видишь?

Они — не близнецы, но, как он приметил, достаточно похожи — с почти одинаковыми личиками. Дыхание Джейкоба сбилось; история уже сама собой складывалась в его голове. Первый мальчик просто таращился темными глазами, как зверь, привыкший шугаться по кустам, а во взгляде второго уже читалась эта проклятая типично американская боевитость, которую время превращает в жестокость. Такому взгляду хорошо подходит улыбка, сама, в свою очередь, подходящая к самым разным ситуациям из американского быта: покупка новой машины, ограбление заправочной станции, выстрел

из пистолета двадцать второго калибра в лицо случайной жертве, оглашение приговора. Несовершеннолетнего продержат в камере от силы года два, хорошенько проварят в среде, заполненной такими же отбитыми, — а потом он, конечно, выйдет на свободу; может, изнасилует шестнадцатилетнюю девушку или еще что-нибудь отчебучит... Так как зовут этих братьев, а? Допустим, *Клем и Гаррет*.

— *Здороу*, — произнес Клем.

Гаррет был выше, крепче, скороспелее старшего брата. Ни с того ни с сего он резко развернулся и ударил второго мальчишку по голове. Джейкоб скривился, прикусив язык, вспоминая о бицепсах своего брата и о том, какую крепкую взбучку тот мог задать — даром что был инвалидом-колясочником со скрюченными, смахивающими на веточки ногами.

Насупившись, Гаррет сунул в рот остатки своего мороженого, отбросил обсосанную начисто палочку в сторону, грязными пальцами потянул за рукав замызганной толстовки и, обнажив бледную обрюзгшую руку, согнул ее на манер бодибилдера.

— Хорош, да?

Джейкоб кивнул, вспомнив, как Джозеф тягал массивные штанги размером с добрый «фольксваген» — черные вены, словно змеи, вились вдоль рук его брата. Собаки лаяли, и он чувствовал на себе взгляды зверья, бродившего тайком по лесу.

Гаррет весело и непринужденно залепил своему братцу еще один тумак и кулаком выразительно провел под носом у Клема.

— Говорил тебе, что я сильнее, ага? Я сильнее всех. Ты мне никогда не веришь, но я же говорил тебе, что я сильнее всех.

— Кроме папы.

Вздвогнув, Джейкоб задумался, кого проймет первым — Клема, уставшего вконец от затычин, или его самого. Внутри него уже давно зрел крик. Джозеф, умерший десять лет назад вместе с остальными, снова стал таким близким, и Джейкоб почти чувствовал, как земля шевелится у него за спиной — прах жильцов дома, который он давно покинул, все никак не мог обрести покой.

Наконец с пригорка у качелей донесся хриплый окрик матери ребятишек, несшейся к ним со смущенной улыбкой, чересчур широкой для впалых щек, показывающей слишком много кривых зубов. *Боже, рассказ можно продолжать: это же Джилл Тернер — и сама она, конечно же, памятуя о канадском происхождении, называет себя «Джилл Тернье», но арканзасский въедливый акцент не дает ей повернуть этот фокус. Подростком она пела в хоре, записала демо за полторы тысячи баксов в нелегальной студии звукозаписи,*

каковой заправляла пара-тройка ее друзей. Она переспала с продюсером, парнем по имени Ралстон, у которого под ногтями была смазка — потому что он был всего-навсего автомехаником, игравшим в самодеятельной группе гаражный рок.

У Джилл, стоит воздать ей должное, была хорошая фигура. Такая идеально выпуклая во всех нужных местах. Джейкоб, перебирая книги в мягкой обложке, задавался вопросом, писал ли он или его отец когда-нибудь о ней раньше. Она по-прежнему немного занималась проституцией — по настоянию мужа, ценившего легкий доход, — и обслуживала пару самых непутевых городских копов на задних сиденьях их патрульных машин. *Двадцать баксов — за десять минут; больше и не потребуется.*

На ней были толстые очки с восьмиугольными линзами и металлической оправой, которая выглядела так, будто понадобится паяльная лампа, чтобы прорезать ее. Она сняла их, стала нервными движениями протирать линзы и перемычку. Безжалостный образ мира стерся по краям, расплылся, цвета поблекли; дышать стало легче.

— Вы двое чуть не довели меня до сердечного приступа, сбежав и ни слова не сказав мне! — отругала она детей, покачивая пальцем туда-сюда. — Никогда больше так не делайте, никогда. Обещайте мамочке, что впредь...

Клем и Гаррет, возможно, хорошо понимавшие свое будущее и то, где они в конце концов окажутся, не выглядели должным образом смущенными. Скривившись недовольно, их мать повернулась к Джейкобу.

— Извините, если побеспокоили вас, мистер, — сказала она. — Иногда парни немного дикие, но они хорошие дети. Надеюсь, они к вам не приставали.

— Нет, все в порядке, — ответил Джейкоб, понимая, что просто так улизнуть у него не выйдет, что в такую пору случайности не случайны. — Не переживайте.

— О, вы тоже книжки читать любите! — проворковала женщина, и от ее голоса свело судорогой живот. Она постучала ногтем по стеклышку своих очков. — Вот так я и посадила зрение. По-моему, в наше время никто ничего уже не читает! Кроме дурацких пособий по саморазвитию, которые и не развивают по итогу совсем. Так-так, что тут у нас? — Подойдя, она вытащила предпоследнюю книгу из стопки у Джейкоба под мышкой. Обложка у той была с анимаграфикой — недурственный издательский ход; такую замечашь, едва толькоходишь в книжный магазин. Джейкоб неловко перехватил остальные — и они посыпались дружно на землю. Папка с рукописью отца смачно шлепнула по грязи, белые языки листов дразняще выпростались наружу.

— Извините, — сказала женщина, глядя на клыкастое существо на обложке, тянувшее лапу к читателю — совсем как когда-то тянула к нему руки сестра Рейчел, с почти такой же улыбкой. Это была глупая картинка, но она помогла продать книгу — одному богу известно почему. — Ого! Айзек Омут! Я по нему та-а-ак тащу-у-ушь! — Последние два слова женщина растянула, будто комки сладкой нуги. — Его книжки *реально* страшные. Как думаете, Омут — реальная фамилия? Мне кажется, нет, наверняка псевдоним. Чтоб отвечало атмосфере его книжек: читаешь Омута, будто тонешь! — Она глупо захихикала, чуть сморщив нос. Ни ее блузка, ни небрежно нанесенный макияж не могли полностью скрыть синяки, покрывшие ее плечи и шею, — цветами от коричневого до иссиня-черного. У ее парня кулак был что надо, но все же не такой здоровенный, как у Джозефа. Левша, видать — следы от костяшек чаще и четче проступали на правой стороне ее тела.

— А то, как он сам и его семья погибли, разве не ужас? Читаешь и думаешь: вот ведь ирония судьбы, писал о плохих вещах и сам кончил плохо... — Женщина коснулась руки Джейкоба, словно разделяя с ним торжественный момент.

Стало темнее, солнце почти уже скрылось за горизонтом. Свет в парке потускнел, а на футбольном поле — наоборот, стал ярче. Игроки подбрасывали мяч к самой луне, на три четверти полной.

— Мамочка, я сильнее всех, — сказал Гаррет, и Джейкоб до того ясно увидел, как этот парнишка в будущем перерезает кому-нибудь горло, что во рту у него пересохло. — Верно?

— Да, дорогой, конечно.

— Так и знал! Так и знал!

— Пора идти, — заметил Клем с бесстрастным, как у рыбы, лицом. — Прежде чем папа выбьет из нас все дерьмо.

Она отмахнулась от него, перебирая остальные книги стопки — с таким остервенелым интересом, словно хотела сквозь бумагу продраться к плоти автора, ко всему тому, что саму его суть составляло. *Джилл-потрошительница*.

— У вас тут и Джейкоб Омут! — Она прижала его роман к груди, и на какой-то миг он почувствовал, будто сам крепко прижимается к покрытой синяками ложбинке. Его руки были вполтину меньше, чем у ее мужа или его брата; такой тщедушный тип не смог бы ее довести до оргазма. — О, он тоже довольно хорош — не так хорош, как его отец, но большую часть семейного таланта унаследовал.

На ум Джейкобу пришли слова отца: «*Это называется экспозиция*. — Рейчел в то время маячила у него за спиной, дышала ему в ухо, изучала бумаги, разложенные на столе; отец ухмылялся. — *Уловка по писательским меркам*

нехитрая, но в сущности полезная — определить конфликт на ранней стадии и вывести его непосредственно на передний план повествования. Экспозиция — ярлык дешевый, но какой уж есть». Перед глазами встала рука Рейчел — ее ногти всегда оставляли следы на его страницах... и на нем самом.

Женщина выхватила у него экземпляр его последнего романа «Грехи сыновей» и повертела его в руках, бормоча что-то о «жестокой концовке». Джейкоб хотел уговорить ее вернуться домой. Клем был прав: ее мужик снова собирался выбить из нее все дерьмо. Она проверила внутреннюю сторону задней обложки и заметила черно-белую фотографию, все еще относительно новую для большинства массовых изданий в мягкой обложке. Глянула на него, прищурившись, и снова — на снимок, и так еще несколько раз, пока осознание не озарило ее лицо.

Решающими факторами послужили темнота и ее плохое зрение. Она бы никогда не узнала его на зернистом снимке, не случись их столкновение при последних ярких лучах солнца. Фотография была сделана в соседнем баре, и теней на ней было гораздо больше, чем вмятых человеческих черт; его лицо оказалось слегка не в фокусе, потому что кто-то в зале окликнул его по имени, и он обернулся на зов. Ближайший к ним парковый фонарь светил примерно так же, как приглушенный свет в баре.

— Так это *вы*, — прошептала она, чуть не выронив книгу — выронила бы, не успей он подхватить. Покетбук отправился под мышку, в компанию к остальным. Обычно как-то так вели себя подростки-готы, татуированные, с искусственно заточенными клыками, на встречах с писателями вампирских саг. Всем им отчаянно требовалось прикоснуться к мифу.

— Это я, — подтвердил Джейкоб. — Приятно познакомиться. До свидания. — Он пошел бочком по торчащим из земли корням кленов, направляясь обратно к садовой дорожке. Далеко впереди продолжал прогуливаться кокер-спаниель.

— Стойте! *Стойте!* Мистер Омут!

Господь всемогущий, «мистер Омут». Он поморщился от звука собственного имени. Оно звучало так мелодраматически — как псевдоним, тут Джилл была права. Как так вышло, что никто в семье со времен капитана Тадеуша, лихого морячка-работоторговца, и сделавшего эту дурную кличку фамилией, не образумился — и не перекрестился в нормального Смита, Джонса, ну или хотя бы Страмма? Почему глупая выходка предка дожила до этих дней?

Она подошла и схватила его за плечо жестким щипком. Сгрэбла хорошую горсть его плоти и развернула лицом к себе. Черт, она была сильна, эта дама; это жизнь с борцоватым мужиком так на ней сказалась?

— Послушайте! Как по мне, «Хирургия Когтя» — высший класс. Я еще неделю после прочтения не могла нормально заснуть, говорю вам как на духу. То, как написаны сцены с тем парнем на кровати, над которой висели ножи... или с тем чокнутым мальчишкой, что сунул голову в духовку, и его лицо просто *растаяло*... божечки, мне это потом еще долго в кошмарах снилось. Вы невероятно *крутой*.

Джейкоб улыбнулся, все гадая, кто же из ее детей загремит в тюрьму первым.

— Спасибо.

— Да не за что! За правду не благодарят!

Реальность отцовских слов навалилась на него — слов весомых и преисполненных смысла, живых и угрожающих, перекрывающих собственные мысли. Джейкоб потер темя — головная боль нарастала со скоростью лавины.

— Я думаю, вы почти так же хороши, как отец, — сказала она.

Его улыбка сделалась слегка натянутой, но он повторил так же радушно:

— Спасибо.

Она скрестила руки под грудью, невольно приподняв ее — странный приглашающий жест. Он мог представить себе ее лифчик, висящий над его кушеткой, следы от укусов и рубцы на животе и спине, столь ужасные в своих деталях. Желудок скрутило.

— Вы не возражаете, если я задам вам вопрос? — произнесла она.

— Слушайте, мне было приятно с вами поговорить, но я, пожалуй, пойду.

— Это важно для меня. Может, вы и не поймете насколько, но я просто хочу...

— Извините, уже поздно, правда. У меня много работы.

— Я не отниму у вас и минуты.

— Я...

— *Прошу вас.*

Ну конечно, она от него не отстанет. Ему ведь больше делать нечего, кроме как на чьи-то вопросы отвечать. Приятельское любопытство именно такого рода проявляли к нему репортеры, копы, психиатры — будто сплошь закадычные друзья, собирающиеся с ним за компанию посмотреть хоккей. Глядели на него, словно говоря: «Ну уж мне-то, дружище, ты все можешь рассказать». С одиннадцати лет он *всюду* натыкался на этот взгляд; но в то-то и крылась загвоздка, что ничегошеньки он им рассказать не мог, потому как сам не знал ни черта. Кто бы ему хоть что-то рассказал. Все жаждали подробностей, понукали обо всем распространяться в красках, если рисовать бойню — так уж с размахом. Врачи, редакторы, газетчики... и женщины,

для которых сграбастать незнакомого мужчину за плечо — плевое дело. Все притворялись уверенными, наклоняясь с ухмылкой, чтобы спросить: «Что с ними случилось? Почему твоя сестра это сделала? Что ты видел? Почему ты жив? *Куда она дела их головы?*»

— Откуда вы черпаете свои идеи?

Он тихонько выдохнул, и его чуть не вырвало. Не от облегчения. Он заполучал свои идеи так же, как и все: будучи тем, кем был, задавая свои собственные вопросы. Именно это и следовало сказать, но слова не шли на язык. Глядя ей в глаза, он задавался вопросом, когда, черт возьми, буйный муженек зарежет ее, когда дети отвернутся от нее, когда какой-нибудь коп, любитель дешевых минетов, сочтет, что деньги недобросовестно отработаны, и разобьет ее лицо о приборную панель.

Мальчишка с глазами трупа повторил:

— Папа выбьет из нас все дерьмо. Нам нужно идти. Ну, скорее же!

— Потерпи еще минутку, дорогой.

— Нам крышка.

Джейкоб поверил малышу. Он отступил на несколько шагов, развернулся и быстро пошел прочь, лишенный почти всего, кроме нелепой потребности в бегстве; голоса вдруг вернулись снова, обрушившись на него после стольких лет. Абзацы папиных романов шли на ум с ходу, он помнил их наизусть. От книг под мышкой исходил жар, точно от каких-то живых существ — жар его слов, любящих, а может быть, проклинающих, которым стоило умереть точно так же, как и ему самому — десять лет назад.

Приближалась годовщина, и Джейкоб знал, что должен вернуться и узнать правду об этом мертвом враге, которого когда-то называли его семьей.

ГЛАВА 2

Они зывали к нему. Их зов никогда не ослабевал. Сила их присутствия была особенно тяжела в последние минуты перед сном, но и утром, при пробуждении, он не менее отчетливо чувствовал их. В затылке отдавалось уже знакомое ощущение — первый позывной перед приливом кошмара, который вот-вот накроет с головой, да так скоро, что уже поздно барахтаться.

Из загробья они нашли себе дорогу в пористую реальность его снов. Слова, голоса, лица. Звуки, от которых его слух давно отвык: утренние приветствия, скрип отодвигаемых стульев, цоканье вилок по тарелкам, плеск кофе. Скрип инвалидной коляски, катящейся по ковру, и тихий голос сестры, напевавшей что-то в такт птичьему щебету за кухонным окном, — все это вернулось к нему.

Джейкоб материализовывался в этом кошмаре, исторгнутый в самый его эпицентр вспышкой неземного света, и все семейство поворачивалось на своих местах, чтобы получше его рассмотреть. Их дом на острове Стоунтроу поприветствовал его тусклыми отблесками столового серебра и ухмылкой отца, который хоть и находился прямо перед ним, как-то умудрялся быть еще и наверху, в своем рабочем кабинете, откуда несся перестук клавиш древнего портативного «Ундервуда» с выпавшими клавишами «К» и «Т». Этот бездушный механический стрекот, казалось, успокаивал мать, хоть она и поглядывала на лестницу с легким недовольством — когда уже папа спустится? Но он ведь и так был уже здесь — глядел на глупо улыбающегося в ожидании начала трапезы Джейкоба поверх тарелок, безо всякого выражения — без гнева, печали, прямо-таки лучащийся абсолют пустоты. Лик Айзека Омута сделался куда румянее, чем Джейкоб помнил, и в черных прядях на висках образовалась седина, до которой он в реальности так и не дожил.

Напольные часы в гостиной пробили восемь, и тут же белочки и птицы подняли шум на подоконнике. Джейкоб вздрогнул на своем стуле (в реальности

в этот момент дрожа на пропитанных потом простынях), наблюдая, как Рейчел пересела поближе к нему, взяла его за руку и, пытливо изучая своими великолепными глазами, спросила, когда братик вернется домой.

Будучи на шесть лет старше его, она намертво застряла в семнадцатилетней поре. По примеру отца, стареть Рейчел не хотела. Ее приветливая улыбка идеально сохранилась — и в ней, как и встарь, смешались доброта с горечью, притягательный блеск зубов с оскалом чего-то кошмарного. Ее длинные черные волосы были завиты как будто по случаю какого-нибудь праздника — словно повседневный «хвост» не соответствовал случаю. Раздраженная его молчанием, она повторила с полуухмылкой:

— Когда?

— Но я и так уже здесь, — сказал Джейкоб.

Она придвинулась еще ближе, нанизала на вилку половинку яйца и запихнула ему в рот, будто младенцу. Сон передал вкус и запах на диво достоверно, спазм сдавил ему горло. Рейчел засмеялась, видя, как он давится, вытерла ему подбородок и сказала:

— Вижу, глупенький! Но ты должен навещать нас почаще. Эта твоя *блюдская* «полная занятость»...

— Рейчел! — с укоризной произнесла мама, в чьих глазах плескался страх вперемешку со слезами, будто все ее силы были направлены на озвучение одного-единственного слова. — Прошу, не матерись за столом...

Даже мама. Даже мама не смогла освободиться, боже мой.

— Прости, мам. — Рейчел повернулась к Джейкобу. — Так вот, ты всегда так *блюдски* сильно занят, и мы все хотим донести до тебя, гений наш домотканый — мы *любим* тебя и хотим, чтобы ты навещал нас почаще. Мы все по тебе соскучились, правда, мам?

— Правда, — подтвердила та свистящим полушепотом, словно говоря с проколотым легким. — Приезжай почаще. Не забывай о нас.

Джейкоб искал искренности и не мог ее найти; теперь мать стала стройнее, старше, еще привлекательнее в каком-то смысле. Ее улыбка казалась натянутой, как будто кто-то приставил пистолет к ее затылку и велел сохранять спокойствие. Ее скулы побелели, глупая улыбка не находила отражения в исполненном муки взгляде.

— В твоей комнате все по-прежнему на тех же местах, Третий, — продолжала Рейчел, обращаясь к нему по старому ужасному прозвищу. — Ничего там не изменилось. Хочешь — работай над новым романом, хочешь — выходи в сад, погуляем... Ну так что, может, как раз на эти выходные и приедешь, а? Обещай, что приедешь. — Она хихикнула, и этот особый многозначительный смешок пролез под самые ребра, щекоча и раздражая. Вилка со второй половинкой яйца приблизилась к его губам.

Джейкоб отвел руку сестры, наслаждаясь физическим контактом. Его нервы горели. Улыбка Рейчел стала шире, и она склонила голову вбок, бросив на него мутный взгляд. Ее зубы обнажились, когда она наклонилась ближе, собираясь не то укусить, не то поцеловать.

— Хватит... — взмолился он — и через мгновение уловил запах лосьона после бритья, которым обычно пользовался его брат.

Отдаленно осознавая, что онемение охватило ноги, Джейкоб прижал свои губы ко рту Рейчел. Ему нужно было увидеть, сколько от нее на самом деле осталось и как сильно она все еще может влиять на него. Он открыл рот — и вдруг очутился в инвалидном кресле Джозефа, катящемся назад в гостиную.

Джозеф стоял у камина под портретами их родителей, бабушек, дедушек и других предков. Там, наверху, Тадеуш сурово взирал на мир, злясь на мертвых рабов, которых не смог продать, и на китов, чей жир так и не добыл. У старика были здоровые конечности — жилистые и прочные; он тоже решил не стареть — возможно, даже позволил себе немножко помолодеть. Джейкоб подумал, что они с ним примерно одного возраста.

— Есть какая-то конкретная причина, по которой ты играешь в эти игры? — спросил он. — Тебе бы стало легче, если бы я тоже был калекой? — Конечно, не стало бы; и теперь, изнутри покалеченного естества брата, он чувствовал всепоглощающую ярость, слепую и требующую воздаяния. Джейкоб еще не родился, когда Джозеф предпринял свой прыжок веры с одной ветки сосны на другую. Мама рассказывала, что при этом он еще и голосил, как Тарзан. Вот только удали обезьяньего приема у брата не оказалось: рискованный маневр окончился на земле. На что он рассчитывал? Что дерево протянет руку и схватит его?

— Конечно, — ответил Джозеф. — Причина есть всегда, Третий. — Перед Джейкобом, со скрещенными на мускулистой груди руками, он выглядел так, словно мог разорвать мир на куски. Он ухмыльнулся, по-мальчишески любезно, и на мгновение Джейкоб представил, что они взаправду друзья. Лишь воспоминания мешали этой фантазии. Ум Джозефа полон был тех же мыслей и аналогичных препон, и в какой-то момент его ухмылка сменилась с фамильярной на презрительную. Он подъехал к фортепиано и сыграл нестройную гамму с большими паузами между нотами — будто не решаясь вывести мелодию слитно, не зная, с какой клавиши лучше продолжить.

Раз или два Джейкоб видел братьев, которые были настоящими друзьями, пили пиво и даже смеялись вместе. Но, может быть, ему это только показалось, хотя он был уверен, что никогда не писал такой сцены. Он откинул ноги назад, наблюдая, как элементы его тела снова перестраиваются, будто слова текут одно за другим, переписываясь по пути. Стук пишущей машинки

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	52
Глава 10	56
Глава 11	64
Глава 12	68
Глава 13	74
Глава 14	77
Глава 15	83
Глава 16	89
Глава 17	100
Глава 18	104
Глава 19	111
Глава 20	116
Глава 21	121
Глава 22	124
Глава 23	129
Глава 24	132
Глава 25	139
Глава 26	144
Глава 27	159
Глава 28	165

Литературно-художественное издание

ТОМ ПИККИРИЛЛИ

МЕРТВОЕ

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 12.2023. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».

Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2
Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2